

Nove klaida de rego

Fabula bay H.C.Andersen

Mucho yar bak ye rego, kel pri jamile nove klaidas tanto gro, ke ta spendi ol suy mani pur li. Ta shwo kun suy soldatas, go a teatra o safari in shulin sol fo diki suy nove klaida. Ta hev speciale frak fo kada ora de dey, e sam kom oni shwo om regas: "Ta es in konsilum", hir oni sempre shwo: "Rego es in klaidashamba".

Rego residi na urba es gran e mange, kada dey mucho garibe jen lai. Un dey dwa julnik lai. Li deklari ke li es texer e ke li mog texi zuy jamile kapra ke oni mog imajini. Suy kolores e rasmus es nopinchanem jamile, e krome to, klaida suti-ney aus sey kapra hev mirakla-ney kwalitaa: it es buvidibile fo toy jen kel bu godi fo suy gunposta o es gro-stupide.

"It wud bi un gro-hao klaida! — rego dumi. — Afte onpon it, me wud mog en-jan, hu in may regilanda bu godi fo suy gunposta. Yoshi me wud mog distinti intele wan fon stupide wan. Ya, hay oni texi tal kapra fo me tuy!"

Also ta dai mucho mani a ambi julnik, dabe li begin gun.

Also li stavi dwa teximashina e simuli, kwasi li gun, bat pa fakta on mashinas bu ye ga nixa. Sin hesiti li demandi zuy faine silka e zuy pure golda; li ahfi se olo fo swa selfa, e gun for pa vakue teximashinas til tarde nocha.

"Wud bi hao, tu kan komo proses go", — rego dumi, bat koy buhao senta lai a suy kordia al remembi, ke stupide wan o wan kel bu godi fo suy posta bu mog vidi kapra. E obwol ta kredi, ke ta selfa bu treba fobi, yedoh ta desidi, ke es pyu hao tu sendi koy otre jen fo kan.

Ol urba yo jan ya om mirakla-ney kwalitaa de kapra, e kadawan yao mah swa serte, ke suy visin es bu godi-she o stupide.

"Treba sendi a texer may lao honeste ministra, — rego desidi. — Ta hi mog vidi kapra hao, ta es ya pyu intele e godi-she fo suy posta kem eni otre jen."

Also hao lao ministra go inu sala, wo dwa julnik zai gun pa vakue mashinas.

"Boh, helpi me! — lao ministra dumi, al mah-gran okos. — Me bu vidi ga nixa!"

Новое платье короля

Сказка Г.Х.Андерсена

Много лет назад жил-был король, который страсть как любил наряды и обновки и все свои деньги на них тратил. И к солдатам своим выходил, и в театр выезжал либо в лес на прогулку не иначе как затем, чтобы только в новом наряде щегольнуть. На каждый час дня был у него особый камзол, и как про королей говорят: "Король в совете", так про него всегда говорили: "Король в гардеробной".

Город, в котором жил король, был большой и бойкий, что ни день приезжали чужестранные гости, и как-то раз заехали двое обманщиков. Они сказались ткачами и заявили, что могут вы ткать замечательную ткань, лучше которой и помыслить нельзя. И расцветкой-то она необыкновенно хороша, и узором, да и к тому же платье, сшитое из этой ткани, обладает чудесным свойством становиться невидимым для всякого человека, который не на своем месте сидит или непроходимо глуп.

"Вот было бы замечательное платье! - подумал король. - Надел такое платье - и сразу видать, кто в твоём королевстве не на своем месте сидит. А еще я смогу отличать умных от глупых! Да, пусть мне поскорее соткут такую ткань!"

И он дал обманщикам много денег, чтобы они немедленно приступили к работе.

Обманщики поставили два ткацких станка и ну показывать, будто работают, а у самих на станках ровнехонько ничего нет. Не церемонясь потребовали они тончайшего шелку и чистейшего золота, прикарманили все и продолжали работать на пустых станках до поздней ночи.

"Хорошо бы посмотреть, как подвигается дело!" - подумал король, но таково-то смутно стало у него на душе, когда он вспомнил, что глупец или тот, кто не годится для своего места, не увидит ткани. И хотя верил он, что за себя-то ему нечего бояться, все же рассудил, что лучше послать на разведки кого-нибудь еще.

Ведь весь город уже знал, каким чудесным свойством обладает ткань, и каждому не терпелось убедиться, какой никудышный или глупый его сосед.

"Пошлю к ткачам своего честного старого министра! - решил король. - Уж кому-кому, как не ему рассмотреть ткань, ведь он умен и как никто лучше подходит к своему месту!"

И вот пошел бравый старый министр в зал, где два обманщика на пустых станках работали.

"Господи помилуй! - подумал старый министр, да так и глаза растаршил. - Ведь я ничего-таки не вижу!"

Bat ta bu shwo se lautem.

E ambi julnik proposi, ke ta lai pyu blisem; al indiki vakue mashinas, li kwestu, ob kolor e rasma es hao, bat minista vidi nixa, obwol ta kan hao-hao.

"Oo may Boh! — ta dumi. — Ob es posible, ke me es stupide? Me wud neva dumi se. Nulwan mus jan se! Ob me bu godi fo may posta? Non, me bu mus konfesi a eniwan, ke me bu vidi kapra".

— Hey, way yu bu shwo nixa om it? — un texer kwestu.

— Oo, it es muy prival! Gro-charmaful! — lao minista shwo al kan tra okula. — Gro-hao rasma, gro-hao kolores! Ya, me sal shwo a rego, ke me pri it gro.

— Hao, nu joi, — ambi julnik shwo e begin deskribi kolores e rare rasma. Lao minista audi atenta-nem, dabe mog rakonti olo a rego exaktem; e ta suksezi zwo se.

Nau dwa julnik demandi pyu mani, pyu silka e golda fo texing. E snova li pren olo fo swa selfa, yusi bu un fil fo texing, bat gun for pa vakue mashinas, kom bifoen.

Sun rego sendi yoshi un respekto-ney yuan dabe kan, komo texing progresi e ob kapra es tayar sun. Eventu sama kom in kasu de minista: yuan kan hao-hao, bat vidi nixa, por ke bu ye nixa exepte vakue teximashinas.

— Wel, kwo? Es realem jamile kapra, bu ver? — dwa julnik shwo, diki e expliki magnifike rasma, kel totem bu existi.

"Me bu es stupide, — yuan dumi. — Also me bu godi fo may posta ku? Es muy strane.

In eni kasu, bu gai diki se."

E ta laudi buvidibile kapra, admiri jamile kolores e magnifike rasma.

— Ya, es realem charmaful, — ta shwo a rego.

Nau oli urbajen en-shwo om magnifike kapra.

E rego selfa en-yao kan it, duran ke it es haishi on mashinas. Kun gran grupa de selekti-ney kortayuan, inklusi-yen dwa lao honeste yuan kel yo bin dar, ta lai a dwa durte julnik. Sey-las zai gun pa ol mogsa, bat sin fil.

— Magnifike, bu ver? — shwo ambi respekto-ney yuan. — Yu vidi, yur mahantaa, es ya gro-

Но вслух он этого не сказал.

А обманщики приглашают его подойти поближе, спрашивают, веселы ли краски, хороши ли узоры, и при этом все указывают на пустые станки, а бедняга министр как ни таращил глаза, все равно ничего не увидел, потому что и видеть-то было нечего.

"Господи боже! - думал он. - Неужто я глупец? Вот уж никогда не думал! Только чтоб никто не узнал! Неужто я не гожусь для своего места? Нет, никак нельзя признаваться, что я не вижу ткани!"

- Что ж вы ничего не скажете? - спросил один из ткачей.

- О, это очень мило! Совершенно очаровательно! - сказал старый министр, глядя сквозь очки. - Какой узор, какие краски! Да, да, я доложу королю, что мне чрезвычайно нравится!

- Ну что ж, мы рады! - сказали обманщики и ну называть краски, объяснять редкостные узоры. Старый министр слушал и запоминал, чтобы в точности все доложить королю. Так он и сделал.

А обманщики потребовали еще денег, шелку и золота: дескать, все это нужно им для тканья. Но все это они опять прикарманили, на ткань не пошло ни нитки, а сами по-прежнему продолжали ткать на пустых станках.

Скоро послал король другого честного чиновника посмотреть, как идет дело, скоро ли будет готова ткань. И с этим случилось то же, что и с министром, он все смотрел, смотрел, но так ничего и не высмотрел, потому что, кроме пустых станков, ничего и не было.

- Ну как? Правда, хороша ткань? - спрашивают обманщики и ну объяснять-показывать великолепный узор, которого и в помине не было.

"Я не глуп! - подумал чиновник. - Так, стало быть, не подхожу к доброму месту, на котором сию? Странно! Во всяком случае, нельзя и виду подавать!"

И он стал расхваливать ткань, которой не видел, и выразил свое восхищение прекрасной расцветкой и замечательным узором.

- О да, это совершенно очаровательно! - доложил он королю.

И вот уж весь город заговорил о том, какую великолепную ткань соткали ткачи.

А тут и сам король надумал посмотреть на нее, пока она еще не снята со станка.

С целой толпой избранных придворных, среди них и оба честных старых чиновника, которые уже побывали там, вошел он к двум хитрым обманщикам. Они ткали изо всех сил, хотя на станках не было ни нитки.

- Великолепно! Не правда ли? - сказали оба храбрых чиновника. - Соизвольте видеть, ваше величество,

hao rasma, gro-hao kolores!

E li indiki vakue teximashina, dumi-yen ke otres mog sertem vidi kapra.

"Kwo es? — rego dumi. — Me bu vidi nixa. Es dashat. Ob me es stupide? Ob me bu godi fo bi rega? Es zuy bade kosa kel mog eventa."

— Oo, es muy jamile, — rego shwo. — Me dai may zuy gao aproba.

Ta niki santushem e kan vakue mashinas, bu yao konfesi, ke ta vidi nixa. E ol suy sekwita kan, kan, vidi bu pyu kem otres, bat shwo sam kom rego: "Oo, muy jamile", e konsili, ke treba suti klaida fo lai-she solemne prosesion aus sey nove magnifike kapra. "Es charmaful! briliente! gro-jamile!" — oni audi fon kada muh. Oli es pa fule extas. Rego dai a kada julnik un riterkros do butondun e titla de kortatexer.

Bifoo sabah de prosesion, duran ol nocha ambi julnik sidi pa suting, mah-jal pyu kem shi-sit kandela. Oni vidi, ke li gro-mangi tayari nove klaida fo rego. Li simuli, kwasi li pren kapra fon mashinas, li kati aira bay gran mikas, suti bay suti-igla sin fil, e pa fin shwo:

— Walaa, klaida es tayar!

Rego lai a li kun zuy eminente kortayuanes, e ambi julnik, lifti-yen handas gao e kwasi teni-yen koysa, shwo:

"Walaa panta! Walaa frak! Walaa mantela! — E tak for. — Olo es leve kom spaidaweba. Oni wud mog dumi, ke bu ye nixa on korpa, bat se hi es ol truk!"

— Ya, ya, — oli kortayuan shwo, obwol vidi nixa, por ke nixa ye.

— E nau, yur regale mahantaa, plis deklaidi swa!

— ambi julnik shwo. — Nu ve klaidi yu in lo nove, hir bifoo gran mira.

Rego deklaidi swa, e julnik simuli onpon parta de nove klaida un afte otre. Li pren ta sirkum talia, kwasi fixi koysa (tranika), e rego en-turni bifoo mira.

— Ah, it fiti ya gro-hao! — oli shwo. — Gro-hao rasma, gro-hao kolores! Es luxa-ney klaida!

— Ausen baldakin es yo tayar, — shef-seremonier informi. — Oni ve porti it sobre yur mahantaa in prosesion.

— Wel, me es tayar, — rego shwo. — It fiti hao ku?

какой узор, какие краски!

И они указали на пустой станок, так как думали, что другие-то уж непременно увидят ткань.

"Что такое? - подумал король. - Я ничего не вижу! Это ужасно. Неужто я глуп? Или не гоюсь в короли? Хуже не придумаешь! "

- О, это очень красиво! - сказал король. - Даю свое высочайшее одобрение!

Ой довольно кивал и рассматривал пустые станки, не желая признаться, что ничего не видит. И вся его свита глядела, глядела и тоже видела не больше всех прочих, но говорила вслед за королем: "О, это очень красиво!" - и советовала ему сшить из новой великолепной ткани наряд к предстоящему торжественному шествию. "Это великолепно! Чудесно! Превосходно!" - только и слышалось со всех сторон. Все были в совершенном восторге. Король пожаловал каждому из обманщиков рыцарский крест в петлицу и удостоил их звания придворных ткачей.

Всю ночь накануне торжества просидели обманщики за шитьем и сожгли больше шестнадцати свечей. Всем видно было, что они очень торопятся управиться в срок с новым нарядом короля. Они делали вид, будто снимают ткань со станков, они резали воздух большими ножницами, они шили иглой без нитки и наконец сказали:

- Ну вот, наряд и готов!

Король вошел к ним со своими самыми знатными придворными, и обманщики, высоко поднимая руку, как будто держали в ней что-то, говорили:

- Вот панталоны! Вот камзол! Вот мантия! - И так далее. - Все легкое, как паутинка! Впору подумать, будто на теле и нет ничего, но в этом-то и вся хитрость!

- Да, да! - говорили придворные, хотя они ровно ничего не видели, потому что и видеть-то было нечего.

- А теперь, ваше королевское величество, соблаговолите снять ваше платье! - сказали обманщики. - Мы оденем вас в новое, вот тут, перед большим зеркалом! Король разделся, и обманщики сделали вид, будто надевают на него одну часть новой одежды за другой.

Они обхватили его за талию и сделали вид, будто прикрепляют что-то - это был шлейф, и король закрутился-завертелся перед зеркалом.

- Ах, как идет! Ах, как дивно сидит! - в голос говорили придворные. - Какой узор, какие краски! Слов нет, роскошное платье!

- Балдахин ждет, ваше величество! - доложил оберцеремониймейстер. - Его понесут над вами в процессии.

- Я готов, - сказал король. - Хорошо ли сидит платье?

E ta turni un ves pyu bifoo mira, ta yao diki ya, ke ta zai kan klaida atenta-nem.

Shambelanes kel mus porti tranika tasti bay handas bli poda, kwasi lifti tranika e go kun extendi-ney brakas — li bu osi diki, ke bu ye nixa fo porti.

Also rego go avanen prosesion sub magnifike baldakin, e oli jen pa gata e windas shwo: — Ah, nove klaida de rego es bukomparibile! Kan sey jamile tranika! Klaida fiti gro-hao!

Nulwan yao konfesi, ke ta vidi nixa, to wud signifi ya, ke ta es oda stupide oda bu godi-she fo suy gunposta. Nul de rego-ney klaidas gwo kausi tal komune extas.

— Ta es ya nude! — turan koy syao kinda shwo.

— May boh, audi ba, kwo inosente infanta shwo, — suy patra shwo. E oli en-murmuri a mutu kinda-ney wordas.

— Ta es nude! Syao kinda shwo, ke ta es nude!
— Ta es nude! — pa fin oli jen krai.
E rego en-senti swa bu hao. Sembli a ta, ke jenta es prave, bat ta dumi: "Treba toleri prosesion til fin".
E ta suluki yoshi pyu mahanem, e shambelanes go baken ta, porti-yen tranika kel yok.

И он еще раз повернулся перед зеркалом, ведь надо было показать, что он внимательно рассматривает наряд.

Камергеры, которым полагалось нести шлейф, пошарили руками по полу и притворились, будто приподнимают шлейф, а затем пошли с вытянутыми руками - они не смели и виду подать, что нести-то нечего.

Так и пошел король во главе процессии под роскошным балдахином, и все люди на улице и в окнах говорили: - Ах, новый наряд короля бесподобен! А шлейф-то какой красивый! А камзол-то как чудно сидит!

Ни один человек не хотел признаться, что он ничего не видит, ведь это означало бы, что он либо глуп, либо не на своем месте сидит. Ни одно платье короля не вызывало еще такого восторга.

- Да ведь он голый! - сказал вдруг какой-то ребенок.

- Господи боже, послушайте-ка, что говорит невинный младенец! - сказал его отец.

И все стали шепотом передавать друг другу слова ребенка.

- Он голый! Вот ребенок говорит, что он голый!

- Он голый! - закричал наконец весь народ.

И королю стало не по себе: ему казалось, что люди правы, но он думал про себя: "Надо же выдержать процессию до конца".

И он выступал еще величавее, а камергеры шли за ним, неся шлейф, которого не было.